

За искусство
высоких идей

О КОМЕДИИ—СЕРЬЕЗНО!

Любителям драматического театра последние годы явно не везет. Названий на афише Пермского областного драматического театра много (свыше 20!), а хороших спектаклей на его сцене мало. Вот и приходится жить надеждой на лето—время гастрелей.

Но ждет он не только новых гастролеров, но еще больше новых хороших спектаклей своего театра (неужели же мы хуже других?). И на каждую новую премьеру идет с ажиринами сердца.

Много надежд возлагал он и на последнюю мартовскую премьеру. Еще был Во-перных, комедия. Да не просто комедия, а к тому же лирическая. А кто из нас не любит почитать? Во-вторых, фамилия автора — Л. Давыдович. Многие переплели с любовью говорят о прозе своего способного земляка. Да и с пьесами его тоже приходилось встречаться. Правда, драматург — молодой, но зато обещающий.

И вот от афиши зритель спешит в театр. Давайте вместе с ним поспешим туда же и мы. Итак, мы на премьере Пермского областного драматического театра. «Будь здоров!» — лирическая комедия Л. Давыдовича, постановка режиссера В. А. Мечникова.

Пока не прозвонел третий звонок и в зале горит свет, познакомимся с необычным оформлением сцены. Мы не знаем еще, о чем нам сегодня расскажут со сцены, но уже можем себе представить, как будет выглядеть относительно формы спектакля, который сейчас увидим. Судя по раздаточному на три часа наанесу, из которых средина, с нарисованным пейзажем, вероятно, может самостоятельно подыматься и опускаться, режиссер решил обратиться к условным приемам. Ну, что же — первый зритель, искующий в этих вопросах: условность в театре — не помеха для большой и извольной беседы.

Настораживает и раздражает другое. Ученые аляповато нарисован он, этот условный пейзаж! Но вот свет погас, а когда зажглись огни рампы, наше внимание переключилось на безмолвно лежащую фигуру одинокого рыбака — парня в рабочей синева.

Несмотря на то, что в центре сценических событий находится любовный поединок двух героев, по замыслу драматурга и режиссера спектакль все же главный фильм является неким не блистающим внешне изотопом простой рабочий геологического отряда Никандр. Он то и есть настоящий человек, которому и театр, и автор говорят свое благословляющее «будь здоров!». А расширять это напутствие можно так: «дай бог, чтобы каждый из сидящих в зале оказался не хуже этого парня». Не хуже. А может быть, все-таки стоит желать лучшего? Давайте же подумаем сообща.

Кто же такой этот внешне заурядный парень, претендующий на звание положительного героя? В исполнении артиста А. Корчажникова Никандр — простой парень, каких часто можно встретить в уральских селениях, отдаленных от больших городов. Внешне далекий от Аполлона, но могущий, по его собственным словам, померяться силой с Геркулесом, он не очень речист, не очень сведущ в отношении того, где, когда и кто из великих людей, что сказал, не просто нетороплив, а медлителен и в движениях и манере думать. Но в этом нет ничего страшного. Что из того, что душа его не находится выхода в красивых словах: она выливается в красивые чувства. Хуже, когда бывает наоборот. А Никандр умеет по-настоящему любить, и дружить. Ему, необразованному парню, доступны «души прекрасные порывы».

От сцены к сцене все более и более раскрываясь человечество ге-

рою, красоту его помыслов и стремлений, драматург и театр хотят научить нас отличать то, что тоносному руку от пустой породы. Объясняясь в любви Зинаиде, Никандр сам себя оценивает, как человека надежного. А так ли уж надежен герой? Обладает ли он всеми непререкаемыми качествами, которые мы сегодня предъявляем к нашему современнику? Оказывается, нет. И дело, конечно не в том, что катастрофически низок культурный уровень Никандра, который о Геркулесе слышал лишь в связи с крупой, а о Пушкине, видимо, и вообще не знает. Хотя это тоже существенно.

И, глядя на Никандра — героя годов 60-х, невольно вспоминается погодоунико героиню Машу из пьесы «После бала», девушку-крестьянку начала тридцатых годов. С каким восторгом читала она письмо пушкинской Татьяны... Но с тем же можно было бы мириться. А вот никак уж нельзя мириться с другим — с пассивной жизненной позицией героя спектакля «Будь здоров!».

В современной жизни мало быть просто добрым, мало быть просто честным, мало быть только справедливым. Быть добрым к людям — значит любить одних и ненавидеть других; быть честным и справедливым — значит активно бороться с тем, что считается ложью и несправедливостью. За что же и против кого борется в спектакле Никандр? Ни за что и ни с кем. Он даже за любовь свою по-настоящему бороться не может, хотя совершенно убежден, что любовь Зинаиды и Михаилу не принесет ей счастья. Он только может ходить да «философствовать», то и дело произнося «я не согласен». Это ли положительный герой нашего времени? Трудно согласиться.

Как же быть? Может быть, еще не поздно внести какие-то коррективы в этот абраз в спектакле? Сделать это трудно, но возможно. Нужно только, чтобы автор и театр знали, что и в какой момент конфликт пьесы и спектакля, прятая или в персонаж, ведущий конфликт. И хочется пометить, что театр не заметил этого еще тогда, когда спектакль только начал рождаться.

И нет ничего удивительного, что Л. Давыдович не сумел раскрыть характер положительного героя в острых столкновениях с отрицательными явлениями жизни — объяснению: молодость драматурга. Удивляет, что без этого смог работать над спектаклем режиссер. А ведь ему, как говорится, и карты в руки. Тем более, что автор местный. Вот и поработали бы еще месяц-другой, пока интересные и нужные зрителью идеи не облеклись бы в соответствующие художественные формы.

И вообще, коль разговор зашел о конфликте, следует добавить, что в пьесе Л. Давыдовича драматургический нерв почти не ощущим. И происходит это потому, что из двух столкновений, группирующих вокруг себя всех персонажей, одно — общественно значимое (столкновение геологического отряда с начальником) — не получает последовательного раскрытия в сюжете пьесы, а другое — находящееся в центре сюжета (любовое столкновение двух героев) — не несет в себе большого общественного звучания.

Что же происходит в пьесе? На протяжении трех актов мы являемся свидетелями упорной и ожесточенной борьбы двух (каждая по своему хороша) женщин за сердце одного, и как тотом выясняется, не очень стоящего мужчины. И тогда обе соперницы, как враждо, незаметно перешли в дружбу, одновременно от него отказываются. Ну и что же? Чем, собственно, обогащает наш драматический опыт знакомство с этой историей? Разве

только тем, что представления наших о путях к дружбе пополняются еще и таким: хочешь обрести друга, любишь с ним вместе в одного человека. Нет, не такая коллизия способна поднять любовный конфликт (пусть и в комедии) до общественного звучания. Для этого необходимо столкновение чувств с долгом. И решение такого нравственного конфликта интересно и поучительно для зрителя, ибо это одна из самых сложных нравственных коллизий нашей нитивной жизни. И решается она каждый раз в зависимости от конкретной ситуации. Вот тут-то театр и может научить зрителя анализировать эту конкретную ситуацию.

К сожалению, режиссер не заметил такого существенного художественного просвета в пьесе. И не только не заметил, но и упустил этот просвет тем, что превратил любовный поединок между Зинаидой и Люси в основную конфликтную ситуацию. А так как этот жизненный материал не может дать богатой пищи для раздумий зрителя, приходится заполнять действие спектакля трюками. Так появились две сцены борьбы соперниц в лодке или сцена с «голыми» соперницами, волею судеб вынужденных спастись от холода в общей раздевалке. Могут возражать: зато смешно, а это для комедии немаловажно.

Да, действительно, комедия должна быть веселой, иначе какая же это комедия! Но не нужно забывать и о том, что смешно — дело очень серьезное: и когда в форме злой сарказма он используется для разоблачения неприемлемого для нас, и когда он облекается в форму добродушного юмора для утверждения положительных начал.

Если судить по реакции зрительного зала, театру удалось создать настоящий комедийный спектакль. Над чем же смеется зритель? Оказывается, больше всего и громче он смеется над положительным героем и над любовным поединком соперниц. Но и в этом нет ничего страшного (комедия есть комедия). Дело в другом. Это, что веселая реакция зрительного зала, связанная с образом Никандра, вызвана отнюдь не остроумием этого героя, но, наоборот, его интеллектуальной ограниченностью. И театр (режиссер и в соответствии с его трактовкой исполнитель) прилагает все ус-

илия, чтобы оглушить положительного героя. Его ставят в глупейшие (не смешные, а именно глупые) ситуации (вроде сцены с гамаком в третьем акте), его заставляют серьезнейшим образом отвечать на пошлые и плоские «философствования» — относительно женщин — шофера Сергея и т. п.

В результате веселый, жизне-радостный смех, способствующий утверждению положительного героя, незаметно превращается в горький смех, отрицающий его. Точно так же смех в адрес Зинаиды и Люси связан исключительно с внешней комедийностью ситуаций, которые по существу своему не всегда веселы в такой степени (даже учитывая, что перед нами лирическая комедия).

Не снимает жанр лирической комедии с любовной ситуацией в центре спектакля и большого разговора о жизни. А его как раз и не получается.

А какой может идти по-настоящему глубокий разговор о жизни, о людях, об их судьбах, о нравственных критериях, если молчанием обходятся самое главное — труд. Почти невозможно поверить, чтобы людей, живущих единым трудовым коллективом (а в спектакле перед нами повседневная жизнь одного геологического отряда), совершенно не интересовали и не волновали вопросы, связанные с их делом, профессией. А ведь профессия геолога — это именно та профессия, которая требует от человека, чтобы он ей отдал все себя, весь жар своего сердца, все лучшее устремления души. В пьесе эта главная область внутренней жизни героев отсутствует полностью. Не ощутил в этом необходимости и театр. А в результате — на сцене не настоящая жизнь, а имитация жизни, больших человеческих переживаний.

Нет, не обманула нас первоначальные предвзятости, рожденные до поднятия занавеса. Действительно, в новой премьере много условного. Но не той условности, которая допустима при ление театральной формы, а той, которая категорически противопоставлена в воплощении человеческих характеров и самого существа большой жизненной правды.

Г. ТЕЛЯТНИКОВА,
кандидат филологических наук.